

Декабрь 2002 г.

11 декабря 2002 г.

Сашуля, когда писала это письмо от 27 ноября, ещё не знала, каким образом я очутился в больнице. По моей просьбе ей позвонила с кафедры наш секретарь Надежда Алексеевна Иванова и сообщила, что у меня пищевое отравление, ничего страшного. И, действительно, я отравился, но был момент, когда мне было не то, чтобы очень уж страшно, но весьма и весьма... тяжело, тоскливо. Думал, концы отдаю.

А дело было вот как.

25 ноября, в понедельник, я с утра появился на кафедре, и тут же меня поздравили с прошедшим днём рождения мои аспирантки – Маша Князева и Лена Доронина, подарочек преподнесли канцелярский, всё как положено. А я в душе надеялся, что в понедельник, может, народ и не вспомнит про мой день рождения, который был в субботу, когда я специально не появился на кафедре, чтобы его не отмечать. Я и домой-то никого приглашать не хотел, никакого желания пить в компании ни с кем не было, да ещё и готовить всё самому. Но потом всё же пригласил старых друзей – Власкова, Боголюбовых и Татьяну Хвиузову, стол нормальный накрыл, только что салат был одного сорта и из магазина, да бифштексы тоже магазинные. Посидели нормально, «Бесплатный сыр» очередной Шендеровича с удовольствием посмотрели, не перепили, а Хвиузова так уходить даже не хотела и всё уговаривала Власкова остаться ещё минут на двадцать хотя бы.

В воскресенье я катался на лыжах, а в понедельник вышел на работу как положено и понял, что увильнуть от отмечания, хотя бы скромного, прошедшего события на кафедре не удастся. И решил обойтись по минимуму: купил вина, конфет, одну бутылку водки (мужиков мало) и выставил это угощение часа в три, как раз когда аванс принесли и раздали. Распили мы всё это стоя, быстренько, и уже готовы были разойтись, как появился Саша Федотов – мой напарник по охоте за сёмгой.

А ему и налить нечего – всё уже выпито.

И тут я вспомнил, что у меня в тумбочке в кабинете давно уже болтается недопитая бутылка водки «Довгань», граммов двести, не больше, как раз с Федотовым выпить. Я сбегал за ней, разлил в три стопки – Федотову, Никонову и себе. Федотов, беря свою стопку, опрокинул предназначенную для Никонова, она разлилась на столе. Я в этот момент уже пил свою, а Федотов поднёс свою стопку к носу, понюхал и остановился со словами: - Это что-то не то...

И тут уже я почувствовал, что выпил не то.

Это была не «Довгань». И вообще не водка.

А чёрт знает что. Растворитель какой-то.

Я бросился пить воду, потом – травить, засовывая пальцы в глотку. Что-то, конечно, вышло обратно. А что-то осталось или уже своё дело сделало. Я стал быстро переходить в состояние тяжёлого опьянения. Вызвали скорую, невзирая на мои категорические возражения. Смутно помню, что заезжали ко мне домой, кажется, с Олегом Мартыненко и Машей Князевой. Помню, что портмоне с авансом я вытащил из кармана куртки и попросил кого-то прибрать. Совсем уже плохо помню, как меня что-то спрашивали, наверное, в приёмном покое, и я силился что-то сказать, но еле ворочал языком и говорил что-то несусветное...

Потом почувствовал боль от вводимого катетера и от первого выпуска мочи. Это было, как оказалось, уже в палате к ночи после того, как через меня прогнали первую капельницу. Мне велели мочиться в банку, из которой я должен был сливать мочу в другую, большую банку, стоявшую на полу около кровати. Но я не мог ничего этого

делать, потому что не был в состоянии ни держать в руке маленькую банку, ни вообще пошевелить хотя бы какой-нибудь частью тела. Мочился под себя.

Вот в этот самый момент я решил, что отдаю концы. И всё, что я успел (или сумел) подумать, было: - Надо же. Какая смешная смерть...

Потом очнулся ночью. Рука сжимает маленькую банку. Я весь голый, в одних носках почему-то. Лежу на всём мокрым. Сумел помочиться в маленькую банку и перелить мочу в большую, действуя только правой рукой. Но передвинуть тело куда-нибудь в сторону на более сухое место не смог.

Однако через какое-то время смог пошевелиться и подвинуться к стене, где было посуше.

Ну, и так далее. Стал постепенно приходить в себя.

К утру уже смог попросить бельё и сменить постельное, для чего сумел встать. Во рту был бензиново-ацетоновый аромат. Я, наверное, как Змей Горыныч, мог пламя изрыгать, если спичку ко рту поднести. Но я уже владел своим телом, хотя и испытывал жуткую слабость. Однако, похоже, что не помер в этот раз.

Появилась врач – женщина в очках, за сорок. Распросила, что случилось. Рассказал.

- Что же Вы выпили?

- Понятия не имею. Дрянь какую-то. Был уверен, что это водка. Но не помню, откуда она у меня. Давно уже стояла.

- Анализ остатков из этой бутылки показал, что там был или ацетон или что-то содержащее ацетон.

- Ну, ацетон я бы, наверное, сразу распознал. У него такой характерный запах. Это же что-то другое. Но что – не знаю.

Последующие мои размышления на этот предмет совместно с Валерой Яровым раскрыли тайну моего отравления. Валера предположил, что это что-то вроде изопропилового спирта, которым компьютеры протирают. И я вспомнил, что когда-то Слава Горелов, после чистки клавиатуры моего компьютера оставил у меня в кабинете жидкость, которую он использовал для протирки, чтобы в случае чего я мог бы почистить клавиатуру и мышь сам. А далее, видимо, уборщица сунула эту бутылку в тумбочку, где у меня хранилась пара запечатанных бутылок со спиртным, а про гореловскую жидкость я забыл...

Его пример – другим наука.

Храните отраву в ёмкостях с соответствующими надписями!

Нюхайте, что пьёте!

Письмо Мити от 11 декабря 2002 г.

Привет!

Большое спасибо за поздравления. В понедельник мы получили много звонков, очень нас обрадовавших. В этот день мы ходили вечером в ресторан „Latinos“, а праздновать в компании будем в воскресенье (а в субботу утром пригласили Хилле).

В воскресенье ездили на поезде в Страсбург. Там сейчас, так же как и в Констанце, проходит предпраздничная ярмарка. Только в Страсбурге она значительно больше по размеру и раскинута в нескольких местах в центре города. Практически всё время (с 11 до 18 часов) мы на ярмарке и провели. Продаются в основном елочные украшения, различные ремесленные изделия, много выпечки и всё по весьма дорогим ценам. На одной площади в этом году сделали русскую ярмарку – палаток восемь с матрешками, скатертями и пр. (некоторые местные, иные из России) – тоже втридорога. Так что в основном мы только смотрели.

Мне наконец-то пришло официальное подтверждение о прохождении моего гранта. Финансирование, правда, получил только 50% от запрошенного, но в данной финансовой ситуации в Германии (местный экономический кризис задел и науку, которую в следующем году будут финансировать на уровне этого, вместо запланированного увеличения на 3%) на большее рассчитывать и

не приходилось. Теперь надо готовиться к Vertiefungskurs – студенческой практике у нас в лаборатории. Начнётся он со второй недели января.

На Рождество (местное) собираемся поехать в Ветцлар. На Новый же год, вероятно, останемся в Констанце.

Папа, если ты собираешься заказывать Анналы, то мне интересен следующий том: Volume 962 (Jun 2002): NITRIC OXIDE: NOVEL ACTIONS, DELETERIOUS EFFECTS, AND CLINICAL POTENTIAL

Это основные наши новости.

Крепко целуем.

Митя, Лена.

13 декабря 2002 г., Мурманск

Ну, а дальше меня стали лечить. Капельницы ставили, укольчики делали, лекарствами кормили. А главное, обследование я прошёл такое, на какое сам бы точно не собрался. Не было бы, как говорится, счастья, да несчастье помогло. Кардиограмма, УЗИ, рентген желудка, кишку заглатывал и в зад другую кишку вставляли, чтобы внутренности посмотреть, про анализы многократные крови, мочи и кала уж не говорю. Даже рентгеновский снимок моего правого колена многострадального сделали. И всё благодаря настойчивым рекомендациям Ларисы Георгиевны – моего лечащего врача, продержавшей меня в больнице девять дней, в то время как я уже на третий день после отравления чувствовал себя почти здоровым.

Обследование выявило у меня кучу хронических заболеваний, вполне, впрочем, адекватных моему возрасту и образу жизни и пока ещё серьёзных угроз не представляющих. Отрава моя желудок не повредила, обжётся только слегка пищевод и слизистая рта. Почки, слава Богу, сработали хорошо.

Лежал я в двухместной палате на пару с Анатолием Михайловичем Николаевым, 49-летним юристом из Управления коммунального хозяйства городской администрации, вполне приятным соседом. Кормили сносно, прилично даже, можно сказать. Правда, аппетит у меня был вялый и никаких добавок к больничной кормёжке не требовал.

Навещали меня почти каждый день. Приходили: Саша Боголюбов, Миша Волков, Илья Артамонов, Юля Зубова и по два раза – Олег Мартыненко, Валера Яров, Маша Князева и Лена Доронина, причём с Ильёй, Юлей, Машей и Леной я работал – корректировал текст статьи Ильи, изучал и комментировал графики, которые они мне приносили, и давал ценные указания, что дальше делать. Вообще заботой своих подчинённых и учеников я был очень тронут, ну как самому о таких не заботиться?

Выйдя из больницы, я, видимо, слишком активно задвигался на свежем воздухе – лыжи, разгребание снега у гаража – и подхватил очередное ОРЗ, со следами которого ещё до сих пор не расстался. А тут Гриша Костюченко – братец мой сводный – у меня в гостях побывал. Он вышел на меня сам ещё до больницы, мы встречались около университета, на улице. Гриша был с бомжеватого вида приятелем, оба пили пиво и были не вполне трезвы. Гриша невнятно жаловался на каких-то бандитов, которые пасут его в Калининграде и заставили его подписать какой-то договор о намерениях по продаже квартиры, и сказал, что предлагал зятю моему Ивану (или Иван ему) отдать свою (моего отца!) калининградскую квартиру, в которой он прописан, в обмен на однокомнатную. На что я попытался ему объяснить, что он пока ещё не собственник этой квартиры...

- Но я же в ней прописан! – возражал Гриша.

- Ну, и что? Ты не владеешь ей и, следовательно, не можешь ею распорядиться. А чтобы стать собственником, тебе надо вступить в права наследования по истечении полугода после смерти Тамары Сергеевны и заплатить налог на наследство.

Гриша этого не понимал, и видно было, что в Калининград он возвращаться боится, но квартира ему нужна, хотя бы однокомнатная, а сейчас он живёт здесь с детьми и бывшей женой по старому своему адресу. Я пообещал подумать над его предложением.

От своего соседа по палате - юриста я узнал, что от наследства можно отказаться в пользу кого угодно, и решил предложить Грише сделать это в мою пользу, а ему купить желаемую однокомнатную квартиру. Пригласил его к себе домой и попросил подробнее рассказать о том, кто его преследует в Калининграде. Гриша был трезв, но рассказ его был загадочен. Бандитов возглавляет какая-то женщина-адвокат. Его дважды вывозили куда-то за город непонятно зачем, а потом отправили самолётом сюда в Мурманск. Номер телефона этой женщины-адвоката он видел в записной книжке Люси! Но потом он (номер телефона) оттуда исчез. Он (Гриша) боится, что его там грохнут из-за квартиры. Отказаться от наследства в мою пользу в обмен на однокомнатную квартиру он согласен, лишь бы в Калининград не ехать в ту квартиру, где за ним охотятся.

- А однокомнатную ты где хочешь – в Калининграде или в Мурманске? – спросил я Гришу.

- Не знаю. Всё равно. Лучше в Мурманске, наверное. Я же в Калининграде почти никого не знаю.

Я предложил Грише, чтобы он подумал ещё над моим предложением, а я сам тоже подумаю и попытаюсь у Ивана уточнить, что там в Калининграде происходит. Мне с бандитами что-то не очень хочется связываться.

Гриша ответил, что всё понимает и не желает меня подставлять. И признаёт мои права на половину квартиры, которая принадлежала моему отцу и его матери. И не понимает, а при чём здесь Люся или Татьяна Николаевна, которая тоже чего-то хочет. Я обещал позвонить ему, когда выясню обстановку в Калининграде.

И вот что я узнал о ситуации в Калининграде от Ивана.

Женщина-адвокат нанята Татьяной Николаевной (женой Гришиного отца, с которой я виделся в Москве, когда встречал Ирину по дороге в Тамбов), судя по всему, в коалиции с Люсей, чтобы вести дела Гриши. «Договор о намерениях» - это доверенность ей на осуществление сделки по продаже квартиры. У Гриши с мозгами не всё в порядке, и ему везде чудятся бандиты, которые за ним охотятся.

- Так они и в самом деле за ним охотятся – Люся и Татьяна Николаевна, - не удержался я, чтобы не заметить Ивану. - Точнее, они охотятся за квартирой, чтобы Гриша её кому-нибудь не сплавил. А сам Гриша-то им и на фиг не нужен. Они будут пытаться его потом спрятать куда-нибудь в психушку или больницу. Там мне кажется, по крайней мере.

Грише я пока ещё не звонил, но собираюсь позвонить в ближайшее время.

А теперь про Сашу Федотова, который уберётся от отравления, понюхав стопку с отравой, которую я ему налил. Я встретился с ним на кафедре в день выписки из больницы и узнал от него, что накануне он вдребезги разбил свою машину («десятку»), так что она восстановлению не подлежит, и ещё две машины повредил. За рулём был он, а рядом сидела Таня с животом – на восьмом месяце беременности. И никто не пострадал, слава Богу!

Они ездили на Ленинградку просто так – машину прогулять, которую собрались продавать. Ехали быстро, под 120 км в час. И в районе Лопарской, выходя на обгон медленно ползущей «пятёрки», Саша увидел впереди встречный КАМАЗ. Пытаясь вернуться назад за «пятёрку», Саша не справился с управлением, по касательной зацепил правым боком «пятёрку» и скинул её в кювет, а его машину развернуло на 180 градусов, и по ней долбанул КАМАЗ, но, к счастью, не в лоб и не в бок, а тоже почти по касательной.

- Что же Саша, Вам положенную долю неприятностей Господь послал вот в таком виде. Благодарите его, что легко отделались! А машину ещё наживёте. На рыбалку же на моей поездим вместе, - философски утешил я Сашу, который, впрочем, держался, как ни в чём не бывало: подумаешь, мол!

Вечером я позвонил Тане с вопросом о её самочувствии и аналогичными словами моральной поддержки. И её ответ был в том же духе, что и Сашин: да ничего, мол, страшного, бывает. А чувствует она себя нормально. И тон у неё был, действительно, абсолютно спокойный. Молодцы, ребята, не приняли происшествие близко к сердцу. Лишь бы с ребёнком всё было нормально, остальное – ерунда, мелочи.

А вот моя сестра Люба никак свою драму достойно пережить не может.

Звонила мне сегодня на работу, вся в истерике, не знает, что делать, Жора собирается приехать и наверняка потребует развод. И муж, и сын её предали, бросили, гады. Оказались просто сволочи, как все мужики, она-то думала, что они не такие...

- Ну и что? – вопрошал я. – Не ты первая, не ты последняя, экая невидаль! Подумаешь! Это ли несчастье! Ты, что, похуже несчастий не видела, не знаешь? У моей тётки вон инсульт, речь потеряла. Сашуля там во Владимире с ней сидит, я один здесь в Мурманске, не знаем, что делать, а ты даже не поинтересовалась из вежливости хотя бы – как, мол, братец у тебя дела, всё ли в порядке? Я тебе уже тыщу раз говорил: делай, что должно, и будь, что будет! А что не должно делать – не делай. А если не знаешь, что должно, а что не должно – не делай ничего! Вот и вся премудрость. Сейчас тебе, например, надо истерику прекратить, воды попить холодной...

Единственное, что я от Любки путного услышал, так это её впечатления от Милочки, к которой она только что ездила. Тоже, кстати, мужем брошенной. От Любки вообще редко о ком тёплые слова услышишь, а про Милочку тем более, очень она почему-то к ней пренебрежительно относилась. А тут – одно восхищение! Её энергичностью, здоровым образом жизни, доброжелательностью, увлечённостью работой.

- Вот и следуй Милочкиному примеру!

- Да я бы рада, но я так не могу!

- Ну, а я тебе чем помочь могу? В твоей ситуации только ты себе сама помочь можешь. Психикой своей займись, вообще здоровьем.

Забыл, кстати, Любке про своё отравление рассказать. Позвонил сам потом, рассказал. Она вроде бы подуспокоилась уже. Оправдывается, что ей одной в четырёх стенах очень тяжело...

Письмо Мити от 17 декабря 2002 г.

Привет!

Началась последняя предрождественская рабочая неделя. В среду в лаборатории состоится беседа со студентами (и их распределение по темам) перед предстоящим Vertiefungskurs'ом, и в этот же вечер лаборатория собирается на рождественскую вечеринку в пабе Old Mary в центре города. У Лены подобная вечеринка в Фаххохшуде состоится в четверг. А в воскресенье мы уезжаем в Ветцлар, и вернёмся оттуда в четверг 26 декабря. Новый год, наверное, встретим в Констанце, Майкл с Мари тоже будут здесь в это время.

Вчера отпраздновали Ленин день рождения в компании Майкла, Мари, Иванны и Андрея Гарбузы. Угощали гостей салатами и запечённым лососем. Субботний визит Хилле, к сожалению, пришлось отменить. Накануне херр Хилле перенапрягся при смене колёс своего автомобиля и весь день в субботу практически не мог встать с постели. Так что субботу мы провели в основном дома, а в воскресенье с утра ходили на Майнау. Там сейчас по-настоящему интересно только в оранжерее с бабочками, которых сейчас очень много. А так в парке очень пустынно. Погода сейчас весьма депрессивная, солнце проглядывает очень редко, очень сыро и туманно, температура – чуть выше нуля.

В среду Лене предстоит сдача реферата по экологическому хозяйствованию. На английском языке надо делать презентацию (в Powerpoint) на тему Temperate forest. Делает Лена это в паре со своей хорватской одногруппницей Матильдой. Много стресса, как из-за английского, так и из-за не очень хорошей подготовленности партнёрши Лены.

Такие наши основные новости.

Крепко целуем.

Митя, Лена.

Письмо Володи Опекунова от 30 декабря 2002 г.

Уважаемый Александр Андреевич, дорогая Александра Николаевна!

Сердечно поздравляем вас с Новым годом, желаем крепкого здоровья вам, вашим детям и внукам.

Из больших событий проходящего года была моя поездка в Гданьск к Лебле. Каких-либо движений моего романа пока нет. Ваши Записки читаю.

По дороге к Лебле в автобусе встретил Костю Латышева, которого больше помню по вашим Запискам, чем непосредственно. Мы разговорились, я спросил Костю, правда ли, что в его жизни репетиторство играло такую большую роль, как о том пишет Намгаладзе. Костя подтвердил и сказал, что он до сих пор занимается репетиторством, а также преподает физику на польском языке в техническом университете в Эльблонге. Латышев передавал привет Вам и Лебле.

Надеюсь, что в наступающем году я разовью свои навыки в общении с компьютером и напишу вам несколько хороших и содержательных писем.

30.12.2002

Володя Опекунов

30 декабря 2002 г., Владимир

Итак, 24 декабря в 8.30 утра я отправился скорым поездом из Мурманска в Питер на защиту кандидатской диссертации Олега Мартыненко, назначенную на 26 декабря. До Апатит я ехал в купе один, а в Апатитах ко мне подселился плотный мужик моего примерно возраста, оказалось, железнодорожник, сказавший мне «Здрасьте!» и получивший то же самое в ответ, после чего мы с ним ни единым словом не обмолвились до самого Питера и даже «До свидания» друг другу не сказали, но остались, похоже, довольны друг другом, точнее, тем, что друг другу не мешали.

Я попеременно читал самоучитель французского языка - захотелось почему-то вдруг продолжить когда-то начатое (к поездке на Корсику) его изучение - и «Внеклассное чтение» Б.Акунина, два томика которого купил перед отъездом на вокзале, а присмотрел ещё в больнице. До сих пор я Б.Акунина что-то начинал читать, но не рассчитался и бросил, а новых попыток не предпринимал, невзирая даже на его якобы бешеную популярность, а, может, именно как раз из-за аллергии на рекламу.

В этот же раз уже начало повествования меня привлекло и быстро заманило как лёгкостью языка и неглупостью сентенций, так и наметившейся остросюжетностью, раскрутившейся довольно быстро до неправдоподобности, не мешавшей, впрочем, читать далее почти запойно, чего со мной уже давно не было.

Французский тем не менее я не откладывал совсем в сторону, а методично изучал страничку самоучителя за страничкой до тех пор, пока не начинал ощущать явное ослабление способности к запоминанию из-за пресыщения. Тогда на Б.Акунина переключался. А потом опять на французский. Так и доехал до Питера, кормясь попутно бутербродами с тёшей сёмги.

В три часа дня, 25-го декабря, я был уже в Сестрорецке у тётки Тамары, выглядевшей прекрасно, округлившейся после окончания осенних хлопот на участке. С ней мы обсуждали ситуацию с Сашулиной мамой, которой тётя Тамара очень сочувствовала и даже предложила её сюда перевезти, но только чтобы вместе с Сашулей, а не одну её тут оставить.

- Спасибо, тётя Тамара. Сюда в Сестрорецк Сашулю с мамой перевезти – идея хорошая, конечно, только не к Вам прямо, а отдельную квартиру купить, здесь где-нибудь неподалёку от Вас.

Эта идея стала казаться мне всё более привлекательной, особенно после того как тётя Тамара показала своё завещание, по которому мне оставлялась и квартира, и «дача» с участком (2/3 дома на Мосина, 64 и 2/3 участка). Я же в свою очередь ещё в прошлый свой приезд (в августе) обещал безбедное денежное содержание тёте Тамаре, дал денег тогда и привёз ещё сейчас. Тётя Тамара пока, слава Богу, здорова, а если что случится, не дай Бог? За двумя старухами-то ухаживать лучше в одном месте, а не

тащить тещу, например, в Калининград, что иногда приходило мне в голову, или в Мурманск, как того хотела Сашуля.

Но чтобы купить квартиру в Сестрорецке, нужны деньги и время. Ни того, ни другого пока нет, а Сашулю с её мамой во Владимире сколько же можно держать? Даже почём квартиры в Сестрорецке – неизвестно, ясно только, что недёшево, не менее 20 тысяч долларов за двухкомнатную. А у тётки Тамары насчёт «дачи» планы имеются – от строительства нового сарая и забора до возможного (с моей подачи!) строительства нового дома на участке вместо нынешней дряхлой развалюхи (если совладелица согласится) или рядом с ней.

Планы-то хорошие, да опять же для их реализации деньги нужны.

Заседание спецсовета, на котором должны были защищаться Олег Мартыненко и ещё один парень – аспирант Семёнова Алексеев, было назначено на 15.00 26-го декабря в аудитории 317 старого здания НИИФ (бывшего НИФИ), в которой когда-то защищал свою кандидатскую диссертацию Слава Ляцкий. А до этого времени я должен был встретиться с Вовкой Ярцевым – Сашулиным братцем у него на работе, тут же неподалёку, на набережной Макарова в Институте физиологии имени Павлова, примыкавшем к старому корпусу физфака ЛГУ.

Вова должен был передать мне купленные им по просьбе Сашули «болюсы Хуато», рекламировавшиеся в «АиФ» как средство послеинсультной реабилитации. Сам Вова в эти болюсы не верил, а его жена Тамара вообще дикостью считала на рекламу ориентироваться – тем лишь бы деньги слупить. Сашуля тоже сомневалась, но мы решили – отчего же не попробовать, лишь бы хуже не было. Другого-то ничего радикального не предлагается.

Вова настаивал, чтобы стоимость болюсов оплатить пополам, но я не согласился – это Сашулина идея, мы и платим, а вот если лекарство маме поможет, тогда и Вова сможет свою лепту внести.

К моему удивлению, Вова – вроде бы непьющий – угостил меня разведённым спиртом и шпротами с хлебом и по ходу нашего разговора (всё о том же – куда его маму девать, и Вове сестрорецкий вариант как и мне казался наилучшим; к самому же Вове его мама ехать не хотела из-за Тамары) бегал несколько раз ещё спирт разводить, так что на защиту Олега я явился слегка поддавши и с опозданием, зная, правда, что Олег защищается вторым.

Олег Мартыненко был моим одиннадцатым соискателем кандидатской степени, шедшим с большим временным отрывом от предыдущего – Феди Бессараба, защищавшимся году в 1996-м, кажется, и первым, подготовленным в Мурманске. За качество его диссертации я не беспокоился, да и отзывы все были сугубо положительными; Олег мог напортить себе только при выступлении и ответах на вопросы своей манерой брякать, что в голову взбрёт, не задумываясь вовсе о том, какое это может произвести впечатление на членов Учёного Совета (типа, например, такого ответа на вопрос, откуда взята та или иная формула: все формулы, мол, взяты из книжки Брюнелли и Намгаладзе, а я в этом не очень разбираюсь, я, мол, программист, а не физик... И это при том, что защищается по специальности «Физика Солнца»!).

В этот раз, однако, всё обошлось без его фокусов, члены Совета были настроены очень благожелательно (включая Распопова, между прочим; а председательствовал Пудовкин при Свет Санне Зайцевой – Учёном секретаре спецсовета), вопросы все задавали нехитрые и проголосовали единогласно «за», чему я был рад, похоже, больше самого Олега, которого я буквально за шиворот тащил в кандидаты наук, невзирая на его вопли типа «Зачем мне это надо?».

- Не тебе, так мне это надо, - отвечал я ему. – Чтобы остальные мои аспиранты верили в возможность написать и защитить диссертацию. А им это надо, и они этого хотят. Не все же такие, как ты, бессеребренники.

Олег, действительно, редко и бескорыстно и здорово мне помогает обучать других с моделью работать и дальше её продвигать.

После защиты я пытался потащить оппонентов – Олег Трошичева и Аллочку Ляцкую куда-нибудь выпить чего-нибудь по случаю успеха мероприятия, но Олегу нужно было вернуться в свой АНИИ, а Аллочка согласилась лишь на чашечку кофе тут же в кафешке, в ободранном, но почему-то ещё не рухнувшем здании НИФИ. Мы с ней и Олегом прошились пешочком от 12-ти коллегий до метро «Канал Грибоедова» и там разъехались в разные стороны. Аллочка, кстати, вид на жительство в Штатах получила и туда насовсем к дочери Юле (в честь Даниэля названной!) собралась.

А Олег, между прочим, перед защитой дочь Вику замуж выдал. Она было в Канаду отправилась, да там выяснила, что забеременела. Пришлось обратно в Петергоф возвращаться, чтобы замуж срочно выйти за отца ребёнка, который ещё на 3-м курсе учится.

Ну, ладно, это их проблемы.

А я с утра 27-го декабря перед отъездом во Владимир сходил в Сестрорецке в контору по купле-продаже недвижимости и выяснил там, что двухкомнатная квартира в Сестрорецке стоит от 26 до 40 тысяч долларов. И даже прямо сейчас можно купить двухкомнатную квартиру на Токарева (это улица, параллельная железной дороге, прямо напротив тети Тамариного дома) за 33 тысячи долларов. Вот только где их взять?

В 17.25 27-го декабря я отбыл во Владимир поездом Санкт-Петербург – Нижний Новгород и прибыл к месту назначения с часовым опозданием - в 6 утра вместо 4.50, что позволило мне сэкономить - не брать такси, а добраться до улицы Чайковского троллейбусом.

Сашуля уже не спала, ждала меня. Конечно, сразу же начали, точнее, продолжили начатый по телефону, когда я был в Мурманске, разговор о том, как быть с мамой – везти ли её в Мурманск, Сестрорецк или Калининград, или оставлять здесь под присмотром кого-нибудь специально для этого нанятого.

Сашуля с самого начала была настроена на то, чтобы везти маму в Мурманск, на что и мама согласна. С чужим человеком её тут оставлять – душа изболится, если даже такой человек и найдётся. Да ещё при маминой стеснительности и необщительности... Впрочем, какая уж тут теперь общительность. Сестрорецк, Калининград – это всё тоже какие-то идеалистические варианты и уж во всяком случае небыстрые.

Остаться Сашуле здесь и... чего ждать? Когда потеплеет? Но в Мурманске и сейчас теплее, чем тут (на улице морозняка минус 27 градусов, а дома плюс 16 всего). Сам переезд, конечно, опасен в послеинсультном состоянии, но Сашуля считала, что в целом физически мама уже оправилась, проблемы только с речью остались.

Действительно, состояние Антонины Дмитриевны на вид оказалось значительно лучше, чем я себе представлял. Она нормально двигалась по квартире, непрерывно упражняя с резиновым кольцом или грушей свою правую руку, самостоятельно ела, ходила в туалет, правильно реагировала на все вопросы и пыталась на них отвечать. В этих попытках ей часто удавалось произнести отдельные словосочетания вроде «большое спасибо», «ещё нет», «доброе утро», «на здоровье», «правильно», а особенно часто со вздохом «о, Господи!», но в большинстве случаев её речь состояла из непонятных комбинаций отдельных слогов, среди которых чаще всего встречались «ра», «ры», «рья».

Тем не менее общаться с ней было вполне можно, поскольку собеседника-то она понимала и ответить утвердительно или отрицательно могла если не словами (иногда у неё застревали «да» или «нет»), то, по крайней мере, общей своей реакцией, в первую очередь, интонацией своей «речи». Короче, проблем с пониманием, чего мама хочет, а чего нет, у Сашули, да и у меня тоже не было.

Вечером 28-го декабря мы с Сашулей ходили на концерт Камерного хора города Владимира, выступавшего в «своём» помещении при местном Училище культуры и исполнительского мастерства – здании бывшего собора, спрятанном на задворках центральной улицы неподалёку от Золотых ворот. Зал объёмист из-за высоты, но невелик по площади и не был полон, слушателей около сотни, акустика для хора отличная, исполнение прекрасное (русское духовное пение и народные песни), удовольствие большое получили.

А утром следующего дня, проснувшись рано, я ощутил в себе убеждение, что нечего резину тянуть, нужно забирать Сашулю с мамой в Мурманск прямо сейчас, как Сашуля того и хотела. Правда, теперь, услышав такое предложение, Сашуля растерялась от неожиданности – зачем же сразу так, то возражал, разубеждал, а теперь – поехали без подготовки...

- Да просто все другие варианты – не сахар. Мама выглядит гораздо лучше, чем я предполагал, судя по твоим рассказам. Ехать же нам сейчас втроём безо всяких сомнений лучше, чем вам потом вдвоём. Три четверти купе будет наше, а в ночь с первого на второе вряд ли вообще много народу будет, может, даже и одни в купе поедем. Встретим тут Новый год и поехали. А я как раз к зачёту у программистов 3-го января поспею, а то Маша Князева волнуется, переживает – как она без меня с ними управится. А там отчёт по РФФИ надо будет готовить срочно, так что мне здесь задерживаться никак нельзя, да и вам тут нечего засиживаться.

Долго, однако, мне Сашулю уговаривать не пришлось. В глубине-то души ей этот вариант более всего по сердцу был. А на сборы трёх дней достаточно.

И на следующий день мы поехали на вещевой рынок, купили очередную сумку дорожную, оттуда на вокзал, где взяли билеты до Мурманска на «Арктику», отбывающую в ночь с 1-го на 2-е января, выяснили как автобусы до Москвы ходят.

А вечером дети зазвонили, всполошились: сначала Митя, потом Ирина (ей Митя позвонил), потом опять Ирина и Лена:

- Да как же так? Да почему так резко? Ты же папа сам говорил, что и переезд опасен, и в Мурманске климат суровый, и вдруг...? Что случилось, почему ты изменил своё мнение?

- Увидел бабулю живьём и понял, почему мама настаивала на вывозе её в Мурманск. Риск, конечно, есть, но без него никаких решений не существует. Оставь я маму здесь без чётких планов на будущее, та же бабуля Тоня будет за неё переживать – почему без мужа, не дома, без работы тут сидит? Чего ждёт? Смерти её? Это всё тоже травмы психические, и не угадаешь – что опаснее.

Ирина стала что-то говорить про Калининград, почему, мол, не ко мне? Здравсьте! Где же ты раньше была со своим предложением? Да и кто там за бабулей будет ухаживать? Все деловые, занятые, мама же в ПГИ на полставки перейдёт, а надо будет, так и вовсе работу оставит, о чём она, собственно, и мечтает давно.

А в предновогодний вечер Сашуля завела меня как бы на минутку к соседке Лиде вернуть её соковыжималку, а на самом деле, чтобы я пообщался с сыном соседки Лёвой, увлечшимся старообрядчеством и бросившим школу в знак протеста против лживости школьных знаний.

Лёва оказался симпатичным, серьёзным юношей, но не без заносчивости некоторой. Мы с ним пообщались на темы Христа и обрядов, и я, кажется, поверг его в изумление своим почтением к учению Христа и небрежением к обрядовой стороне христианской религии.

- Обряды – это (кроме всего прочего) лёгкий путь псевдоочищения совести. Это традиции той или иной местности, того или иного сообщества верующих. Традиции –

дело, конечно, хорошее; уважение к предкам и прочее, но для меня несравненно менее важное по сравнению с сутью божественных наставлений, изложенных, увы, на непонятном мне языке, да и не вполне точно зафиксированных, что оставляет много свободы для толкований. Кому-то, не отрицаю, обряды помогают эту суть постичь или хотя бы поддерживать в памяти факты жизни Христа, для большинства верующих они важны, для меня же лишь постольку, поскольку я уважаю обычаи окружающих меня людей...

- Так Вы, значит, к протестантизму склонны, - заключил Лёва.

- Боюсь, что хуже – совсем вне конфессий.

- А гнева Божьего вы не боитесь? Страшного Суда?

- Нисколько. Бог добрый, всех любит, всем помогает, только и ему помочь надо – в реализации своих возможностей добрые дела делать. В этом и есть смысл жизни. Разумеется, я образно пытаюсь говорить, это ощущения у меня такие...

Я оставил Лёве интернет-адреса своих «Записок», объяснил, как найти места в них, которые могли бы его заинтересовать.